
Научная статья
УДК 811. 35
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ И. КАШЕЖЕВОЙ

Елена Нартишавна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2024

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов, связанных с особенностями лирического самовыражения в произведениях Инны Кашежевой. В работе определяется идейно-художественная специфика лирических произведений. Исторически сложившиеся культуры национальных общностей представляли собой главный источник, из которого поэтесса черпала жизненные смыслы, образующие основу ее творческого мировосприятия, духовное содержание ее бытия. Явления, вызывающие богатую палитру переживаний, волнений, чувствований – это тоска по Родине, образ отца, матери, неблагоприятие современного мира. Особый интерес представляют лирические произведения, звучащие как раздумье. Они возникают как бы от экспрессий, охвативших рассказчика, и принимают произвольную форму, воплощая в себе богатство эмоционального мира художника. Эти произведения имеют особое содержание, описывают отдельное душевное состояние. В его основе лежат образ-чувство, образ-переживание, наброски, сделанные в определенный момент под воздействием той или иной картины; они передают сиюминутные настроения, моментально вспыхнувшие мысли, показывают миг жизни, концентрирующий жизненную субстанцию. В структуре стихотворений выявляются художественные приемы, создающие «лирическую атмосферу», характеризуются закономерности использования поэтических и стилистических средств художественного изображения в лирической прозе, способы раскрытия образа-переживания в поэтическом творчестве исследуемого автора. Основная совокупность художественного смысла достигается метафоризацией, выбором и удачным использованием эпитета, других средств эмоциональной окраски слов.

Ключевые слова: лирические произведения, лирический герой, Инна Кашежева, национальная культура, русскоязычная поэзия, медитативность

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Основные мотивы поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 63–71. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

Original article

THE LYRICAL BEGINNING IN THE WORK OF I. KASHEZHEVA

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the manifestation of the lyrical principle in the works of Inna Kashezheva. The work defines the ideological and artistic specificity of lyrical works. The historically established cultures of national communities represented the main source from which the poetess drew life's meanings, which form the basis of her creative worldview, the spiritual content of her being. Events that cause a spectrum of experiences, worries, and feelings are longing for the Motherland, the image of a father, mother, and the troubles of the modern world. Of particular interest are lyrical works that sound like meditation. They arise as if from an influx of feelings that gripped the narrator, and take on an arbitrary form, embodying the richness of the artist's emotional world. These works have a special content and describe a separate state of mind. It is based on an image-feeling, an image-experience, sketches made at a certain moment under the influence of a particular thought; they convey momentary moods, instantly flared up thoughts, show a moment of life that concentrates the vital substance. In the structure of the poems, artistic techniques are identified that create a "lyrical atmosphere", the patterns of use of poetic and stylistic means of artistic depiction in lyrical prose, and ways of revealing the image-experience in the poetic work of the author under study are characterized. The main capacity of artistic meaning is achieved by the choice of epithet, the use of emotional coloring of words, and metaphORIZATION.

Keywords: lyrical works, lyrical hero, Inna Kashezheva, national culture, Russian-language poetry, meditateness

For citation: Betuganova E.N. The lyrical beginning in the work of I. Kashezheva. Vestnik KBIGI = KVINR Bulletin. 2024; 2 (61): 63–71. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-63-71

*Нет не по привычке, а по крови
Я люблю, хотя живу вдали.
И не по приказу, а по крови
Родине себя я отдаю.*

Инна Кашежева

Несмотря на широкую популярность и признание в столице и всей стране, Москва так и осталась для поэтической системы Инны Кашежевой чужим миром. В лирических произведениях мотив ухода из дома, большой город осмысливается как выход в сферу новых ценностей, при этом попадание в иную культурную среду сопровождается ощущением беспомощности и дезориентации, депрессией и многочисленными трудностями. С одной стороны, чуждость московского мира подчеркивается автором, нарочито противопоставляется как чужое своему. С другой, автор стремится подчеркнуть свою индивидуальность как отличную от большинства окружающих людей, выросших в громадном мегаполисе. Оппозиция «свой-чужой», преломляясь в плоскости сознания Я, раскрывается, как и в философии, «Я-Другой»:

*О родина отца, о родина моя!
О, вечная и сладкая та боль...
Меня ужалила дорога, как змея,
дорога, разлучившая с тобой. [Кашежева 2014: 34]*

Лирическая героиня Кашежевой предпочла бы маленький лес, тихую речку, величественные горы. Это не тяга к псевдоромантической экзотике, а ощущение своей причастности к Кавказу, мощная генетическая связь с которым питает поэзию. Автор подчеркивает ценность каждой детали, который недоступен взору обывателя, пребывающему на Родине, тоскующий человек смотрит на родные просторы совсем другими глазами, и ждет с нетерпением новой встречи с ней.

В произведении «Равнодушие» лирическая героиня ждет отзвука на свои стихи, но встречает холод и равнодушие. И здесь, скорее, автор говорит не о своей творческой не востребоваемости. В каждом произведении присутствует ее

ментальное мироощущение, недоступное читателю иной культуры. Наложить чуждое мировоззрение на уже сформированную первичную картину мира поэтесса так и не смогла. Она твердо была убеждена, что ее внутренняя природа, которая была «запрограммирована, раскрыта и развита родной культурой, национальными особенностями, была полностью уместна и востребована в первоначальных условиях жизни.

Яркие выразительные образы – ступени, которые бесконечно тянутся, черная лестница, неприкайнные стихи – не имеют символического смысла, но сохраняют статус лирического текста в силу того, что настраивают читателя на восприятие душевного состояния Инны Кашежевой:

*Своей недетскою тоскою
Я ваши лестницы стелю,
Войду я, а стихи останутся
На черной лестнице стоять.
Но дайте, дайте мне расплакаться
На равнодушие у вас. [Кашежева 2010: 103]*

В произведении нет указаний на эмоциональное состояние лирической героини, но за всем сказанным ощущается предельное умственное и духовное напряжение говорящего, передающего свое мироощущение путем описания явлений, что свидетельствует о присутствии лирического начала.

Инна Кашежева неустанно искала духовного возрождения в ценностях знакомой исторической почвы, она искала убежища в своем предсказуемом мире норм и моделей поведения. В этих условиях восстановить целостность и упорядоченность жизни, дать надежду на будущее могло только обращение к ценностям этнической культуры, проверенным веками, доказавшим свою жизнестойкость и способность противостоять различным разрушительным воздействиям. «*От злых напастей, от неожиданных бед, ношу я в сердце снежные вершины*» [Кашежева 2010: 116], – пишет И. Кашежева. Именно поэтому этнос стал той общностью, самоотождествление с которой давало И. Кашежевой необходимую опору и надежду. Национальная культура выступила неким защитным полем:

*Когда для счастья сердце мне мало,
Когда печалют мелкие раздоры,
я обращаю мысленные взоры
к тебе, Кавказ, – чистилище мое,
к вам, мои судьбы,
к вам, родные горы!
Закрыв глаза, я вижу наяву,
как вы в своем заснеженном обличье,
Неся тысячелетние обычаи,
Являетесь нежданно в Москву,
чтобы рассудить:
а так ли я живу? [Кашежева 2010: 116].*

Только настоящий поэт способен так органично сочетать строки великого поэта и свои собственные, подчеркивая и преемственность, и неизменную актуальность переживаний.

«*Так кличет мать дитя свое больное, и как земля, уставшая от зноя, всем жарким телом призывает дождь*» [Там же], – вот яркие образные сравнения, которые отражают невыносимую разлуку с родиной. «*Горы исцеляют, горы-чистилище*» [Там же], – пишет автор. Колоритный образ гор подчеркивает, что

гармонизировать духовный дисбаланс мечущейся души могла только Родина, маленькое селение Каменномоостское:

*Какие ни готовятся невзгоды,
Какие испытания ни ждут,
Я просто
Тихо позову вас:
«Горы!»,
Как истину во все века зовут. [Там же]*

В контексте сказанного «стихия, которая называется «моя национальность» – поток жизни, как как-то особенно ощущаемый, особенно окрашенный».

Русскоязычная поэтесса определенно понимает, кто она в своем уникальном положении наследницы и русской поэтической культуры, и вековых традиций своего народа. Осознание принадлежности к определенному этносу, было едва ли не наиболее константной характеристикой ее самосознания. Исторически сложившиеся культуры разных национальных общностей, в то же время объединяемых своей неподдельностью, представляли собой главный источник, из которого поэтесса черпала жизненные смыслы, образующие основу ее творческого мировосприятия, духовное содержание ее бытия. Так в стихотворении «Я болею оседлостью...» автор говорит о том, что же вдохновляет писателя на создание поэтического произведения, и здесь особый интерес представляет ментальность поэтессы:

*Я болею оседлостью...
Заболели оседлостью –
Садитесь в седло. [Кашежева 2010:106]*

Инна Кашежева в произведении ассоциирует себя с черкесским воином, про которого в адыгских историко-героических песнях говорят: «Губгъуэ зи унэ, зауэ зи хабзэ» – «Поле – чей дом, война – чей обычай». Черкесский рыцарь – наездник, как отмечал А.Г. Кешев, «постоянно жаждал приключений, опасностей. Он не любил засиживаться дома, в своем околотке ... Он осознавал себя больше человеком, когда изголовьем служило вместо мягкой подушки жесткое седло, постелью – бурка, когда вместо искорок, поднимающихся сквозь широкое отверстие трубы от костра на родном очаге, его взор следил за таинственным течением светил по необъятному своду неба» [Каламбий (Адыль-Гирей Кешев) 1987: 116]. Тем самым он оказывался в максимальной зоне риска, в зоне особого, мятущегося духа. В этой зоне он обретал мудрость, способность к безошибочной ориентации в сфере неопределенности. Автор говорит о том, что сфера определенности, а для творца-поэта – это спокойное течение жизни, серые будни – так же не способствовала творческому развитию. Чтобы творить, пишущему нужны были испытания, пусть порой и нелегкие, чувства, разные оттенки эмоций:

*Посильнее ударьте,
понесет конь вскачь...
На дорогу дайте
Мешок неудач
Ой, мне слепнуть и жариться,
Спотыкаться, тонуть...
Да некому жаловаться,
да некуда повернуть! [Кашежева 2010: 106]*

Те же интонации звучат в другом произведении «Седьмой материк». Седьмой материк в поэтической системе И. Кашежевой – это пространство вольных и

возвышенных духовных порывов, пространство, в котором нет места успокоенности, пространство непрерывного движения к идеалу.

В другом лирическом произведении автор говорит о нравственных принципах, которые подчеркивают менталитет дитя гор и равнин. Это альтруизм – пренебрежение собственными интересами во благо личных интересов. Высокий авторитет и социальный статус в черкесском обществе обуславливался набором важных для общества функций, которые черкесы добровольно на себя возлагали и которые были сопряжены для них с риском для жизни и пренебрежением удобствами. На них лежала обязанность защита общины от угрозы, они должны были оказывать покровительство и патронаж слабым и нуждающимся. Эгоизм – как противоположность альтруизма и установка на приоритет личных интересов над общественными не могла определить поведение черкеса. В стихотворении «Какая-то на сердце тяжесть» лирический герой чем-то обеспокоен, но не может понять, что его гложет. Его не покидает ощущение, что некто неизвестный нуждается в помощи, однако вдруг осенила мысль, что этот кто-то – он сам. В ту же минуту состояние отчаяния сменила тихая радость. Герой несказанно рад, что, несмотря на личные невзгоды, не потерял способности сопереживать чужой беде:

*Какая-то на сердце тяжесть,
а я не пойму отчего.
Как будто из пропасти тянешь...
да только совсем не того.
Какая-то на сердце смута,
А вот отчего не пойму.
Как будто ты нужен кому-то,
Да вот неизвестно – кому.
Но скоро наступит минута,
внезапной догадкой слепя:
ты нужен себе, не кому-то,
и вытацишь хочешь себя.
И благодарение БОГУ,
что совесть покуда жива,
что бить начинаешь тревогу,
о ком-то подумав сперва.* [Кашежева 2010: 128]

Любовь на первый взгляд, нелогична, она состоит из противоречивых компонентов. Кажется, что любовь иррациональна и неразумна. В этом заключается причина ее несообразности, с точки зрения логики познания. Стихотворение «Отец мой – мой суровый горец...» звучит несколько необычно: Инна Кашежева задается вопросом, как отец – гордый черкес – мог полюбить мать, русскую по происхождению и воспитанию, то есть человека иной ментальности. Сакраментальный вопрос: «Кого ты больше любишь – маму или папу?» ставит в тупик всякого ребенка, потому что ангельски чистое юное существо не может делать выбора между родителями. А вот как эту проблему решает поэт, сохранивший во взрослой жизни ту же детскую непосредственность:

*Отец мой – суровый горец,
А мама из нежных горлиц,
Взраченных на Руси.
Как мог ее полюбить
И стали похожи горлицы
На гордых горных орлиц.
А то чего бы горцу
Любить голубую горлицу.* [Кашежева 1994: 15].

Поэтическая мысль автора ведет повествование, сдерживая и прерывая его экстенсивную устремленность, и как бы поджидая случая, чтобы «излиться, наконец, свободным проявлением». По мнению Инны Кашежевой, отец полюбил мать тогда, когда она из горлицы перевоплотилась в горную орлицу, то есть во всем стала соответствовать горским традициям, не утратив при этом своей природы. Как и в традиционной адыгской семье, авторитет отца был непререкаем. Его слово – закон для остальных членов семьи. Ему принадлежит все лучшее в семье, его место – у очага. Мать оберегает его, трепетно к нему относится.

Некоторые произведения звучат как раздумье. Они возникают как бы от наплыва чувств, охвативших рассказчика, и принимают произвольную форму, воплощая в себе богатство эмоционального мира художника. Эти произведения имеют особое содержание, описывают отдельное душевное состояние. В его основе лежат образ-чувство, образ-переживание, наброски, сделанные в определенный момент под воздействием той или иной мысли; они передают сиюминутные настроения, моментально вспыхнувшие мысли, показывают миг жизни, концентрирующий жизненную субстанцию. При этом воссоздаваемое в лирическом произведении духовно-мыслительное состояние чем-то спровоцировано. Оно указывается, подразумевается, сопровождаясь эмоциональными высказываниями. Толчком, побуждающим к поэтическому размышлению, стала нереализованная семейная жизнь. «Если встретишь меня, стань же пешим, помни – я ведь слабее тебя», – проникновенно просит лирическая героиня молодого человека. В давние времена, всадник, встретив в пути девушку, спешил и предлагал сесть на лошадь, если она отказывалась, он сопровождал ее пешком до тех пор, пока она не достигнет безопасного места. Обстоятельства не излагаются подробно, а называются, порождая мысли лирического героя. Становится понятно, что Инна Кашежева страдает от того, что не может встретить того, кто сможет понять, что у женщины чувствительный характер, что она беззащитнее любого слабого мужчины, кто сумеет сопроводить ее по всей ее жизни, чутко оберегая и составляя ей достойную партию. С оцепеняющей болью она понимает, что ожидает того, кто никогда к ней не придет: «всадника», который будет оберегать ее от жизненных невзгод, уберечь от всех бед. Грустные размышления предстают неким обобщением обреченной на одиночество женщины.

Примечательно, что уже в семидесятые годы Инна Кашежева, еще относительно молодая, уже чувствовала грядущее неблагополучие и ставила своим творчеством существенные вопросы, которые через личностное восприятие поднимали проблемы, ставшие актуальными для всего общества. Она предвосхитила постановку многих проблем, находящихся ныне в центре внимания, предлагая разобраться, как изменить к лучшему, рассуждала о морально-нравственных скрепах, позволявших наладить достойную жизнь. Ее твердое убеждение – без бога человек не воспрянет от духовного паралича.

Каждое слово несет повышенную идейно-художественную нагрузку. Особое значение она придает завершающей фразе стихотворения: «Бог ждет, что люди будут зорко глядеть в него». Инной Кашежевой осмысливается проблема истинной и мнимой веры. Она говорит о вере внутренней, сокровенной и от того священной. Живущий по законам Бога, предписанным ему Кораном, должен быть примером добродетели и терпимости, высоконравственной личностью:

*Мы жили праведно и строго
в тени отеческих могил.
И все же мы забыли Бога,
А он нас помнил и любил.
Он ждал: когда же мы не в небо
Вглядимся зорко, а в Него?*

*Но, как моря, мельчали цели
И стыло прошлое в золе.* [Кашежева 2014: 128]

В другом произведении автор говорит об исчезновении из жизни различных форм духовного совершенствования и в целом ценности духовного развития, поскольку успех личности в новом обществе определяется материальным статусом и внешними атрибутами его материального благополучия.

Иронизируя по поводу своей рассеянности, в стихотворении «Прозрение» И. Кашежева говорит о своих бесконечных потерях: то это, ключи, то перчатки, то зажигалка. Но вместо огорчения ее переполняет чувство радости. Она приходит к неожиданным умозаключениям: любая потеря может приобрести счастливый оборот: принести людям пользу.

Интересно, что в этом произведении Инна Кашежева пишет о том, что возникло и назревало, имело тенденцию закрепиться, победить, стать широко распространенным явлением, в частности – в постсоветскую эпоху. Произведение одушевлено живым интересом к современнику, его духовной жизни, к качеству и характеру его сознания. Пророческое чутье позволило зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов, что особенно ярко проявилось в 90-е годы. Неуправляемая коммерциализация ориентировалась на новоявленного «гиперэкономического сверхрыночника», подыгрывая его узкоутилитарным интересам:

*Вещи править нами рады:
Сосчитай, запри, проверь...
Соболя, авто, караты...* [Кашежева 1994: 5]

Кризис человека был связан с ослабеванием потребности в развитии духовных, сверхличностных начал. «Для великих духовных прорывов и достижения высших форм цивилизации надо было возвыситься над обыденностью, сугубо прагматичным отношением к жизни» [Кажаров: 62]. Об этом и говорит И. Кашежева в произведении:

*Человек! Руби канаты
Щедростью своих потерь.* [Кашежева 1994: 5]

Образ матери – яркий лирический образ в творчестве кабардино-черкесских авторов. В произведении «В свою беду другого не возьмешь» говорит о том, как нелегко терять самого близкого человека на земле – мать. Словно наяву он ощущает материнский запах, ее нежные руки, заботу и теплоту, раскаивается, что ранее не могла в полной мере уделять ей внимание. «Мои поводыри – вина и память», – пишет И. Кашежева. Самые горькие слезы, вызванные тоской по матери, не коснутся ее красивого лица:

*В свою беду другого не возьмешь:
Там все углы из боли для тебя лишь.
Под самый острый справедливый нож
Чужое сердце не подставишь.* [Кашежева 2010: 131]

События в сюжете даны как бы в произвольном, свободном, а не логическом сцеплении. Внешняя разрозненность, дискретность событий на деле оборачивается глубинным, скрытым, неочевидным единством, основанным на переживаемом чувстве. Она горько жалеет, что зачеркивала те дни, когда мать ожидание воплощала.

Среди литературных мотивов особое место занимают лирико-философские. Мысль о неизбежности ухода человека из жизни, о смене бытия небытием сопровождается размышлениями о том, как глубока связь между миром природы и человеческой жизнью. Лирическую окраску произведениям в большей степени придают пейзажные зарисовки. Когда природа пронизана иносказательностью и символикой, лирическое начало ощущается довольно четко. Главный герой наблюдает за речкой и размышляет о закономерностях бытия. Она соотносит устье с физическим концом на земле. Эмоциональные переживания вызваны скоротечностью жизни:

*На Белой речке в восемнадцать лет,
среди таких же, молодых и ловких,
пьянела от легкости побед...
И нам не скоро подводить итог
Той беспричинной радости и грусти,
понять не скоро, что любой исток,
уже с рождения имеет устье.
Что беспредельности на свете нет,
что есть конец у каждого начала...
На Белой речке в восемнадцать лет
Я этого еще не понимала. [Кашежева 2010: 126]*

В другом стихотворении «Видеть море в первый раз...» лирический герой размышляет о закономерностях бытия, наблюдая за морем:

*Нет у моря берегов,
Нет любви конца и края.
Ты плывешь, с волной играя,
ничего еще не зная
Про друзей и про врагов.
Безысходность похорон...
Предначертанность разлуки...
Ты плывешь... Тебе еще
Восемнадцати-то нету. [Кашежева 1994: 3]*

Автор творчески развивает принципы применения пейзажа в лирическом плане. Пейзаж коррелирует с переживаниями автора в стихотворении «Земными родились...». Он соотносит капли дождя со своей жизнью, физическим концом на земле. Природа несет в себе печать мгновенной, изменчивой, мимолетной жизни. Лирическое начало предельно обнажено:

*И как ни рассуди,
нам не уйти от темы:
«Жизнь – это впереди», –
всю жизнь твердим себе мы.
И, как из неба дождь,
Уходит жизнь по капле. [Кашежева 1994: 2]*

Смерть трактуется не только как поглощающая живое, но и как рождающая его, подобно тому, как это происходит в мифе: «<...> смерти как чего-то безвозвратного нет; все умирающее возрождается в новом побеге» [Фрейденберг 1997: 63]. В произведении прослеживается своеобразная концепция отношения к смерти. Со смертью жизнь не заканчивается, он неминуемо имеет свое продолжение. Продолжение талантливой поэтессы – произведения, не утратившие своей актуальности по сей день. В этом автор видит свое бессмертие.

Таким образом, творческие находки Инны Кашежевой оказали значительное влияние на развитие ее лирической поэзии. Конечно затрагиваемые ею темы не новы для мировой поэзии. Проблемы любви к родине и близким, преемственности и диффузии традиций, отношения к жизни и смерти, духовных исканий смысла нашего существования неисчерпаемы, они волновали многих предшествующих поэтов и, видимо, будут волновать еще многие поколения. Однако в произведениях И. Кашежевой понятие и сущность лирической поэзии приобрели новую форму и содержание, возникли новые пути ее проявления благодаря неисчерпаемому таланту автора.

Список источников

- Кажаров 2012 – *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 83 с.
- Каламбий (Адиль-Гирей Кешев) 1987 – *Каламбий (Адиль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. 272 с.
- Кашежева 1994 – *Кашежева И.И.* Выход на поклон. М.: РБП, 1994. 7. с.
- Кашежева 2010 – *Кашежева И.И.* Кавказ надо мною / сост. М.М. Хафицэ. Нальчик: Эльбрус, 2010. 176 с.
- Кашежева 2014 – *Кашежева И.И.* Избранное: Стихотворения / сост. Дж.П. Кошубаев. Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
- Мирзоев 2021 – *Мирзоев А.С.* Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье-Новое время). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 432 с.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Наука, 1997. 445 с.

References

- KAZHAROV V.H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XIX v.* [Historiography and historical consciousness of Kabardians in the second half of the XX – early XXI century]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 83 p. (In Russian)
- KALAMBII (ADYL'-GIREI KESHEV). *Zapiski cherkesa* [Notes of the Circassian]. Nal'chik: El'brus, 1987. 272 p. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Vygod na poklon* [Going out to bow]. M.: RBP, 1994. 7 p. (In Russian)
- KASHEZHEVA I.I. *Izbrannoe: Stihotvoreniya* [Favorites: Poems]. Nal'chik: El'brus, 2014. 320 p. (In Russian)
- FREUDENBERG O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of the plot and genre]. M.: Nauka, 1997. 445 p. (In Russian)
- MIRZOEV A.S. *Genezis i evolyuciya tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (Srednevekov'e-Novoe vremya)* [The genesis and evolution of the traditional military culture of the Circassians (Middle Ages-Modern Times)]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2021. 432 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.